

И. П. СОРОКИНА (Ленинград)

ЭНЕЦКИЙ ПЕРФЕКТ *

Исследователи самодийских языков отмечают в энецком категорию времени, однако в интерпретации ее имеются расхождения. М. А. Кастрен выделяет в энецком языке два времени: Praesens и Praeteritum (Castrén 1854). Г. Н. Прокофьев отмечает эти же времена, но определяет их как аорист (соответствующий Praesens) и прошедшее время (соответствующее Praeteritum) (Прокофьев 1937 : 88). Н. М. Терещенко зафиксировала в энецком языке три времени: неопределенное и прошедшее, соответствующие указанным выше, и будущее, которое она выделяет впервые (Терещенко 1966 : 452).

Прошедшее время отмечали все исследователи (только И. Н. Шибештьен считает, что в ненецком языке нет прошедшего времени с претеритальным значением, см. N.-Sebestyén 1970). Оно образуется путем присоединения к личным формам неопределенного времени суффикса *-š* и его фонетических вариантов, которые зависят от конечного звука личных показателей. В интерпретации значения этого времени у исследователей не было разногласий. Они отмечали, что формы прошедшего времени употребляются для обозначения действия, которое «не относится к данному моменту, а совершилось (или совершалось) в более или менее отдаленном прошлом» (Терещенко 1947 : 187). Это время хорошо изучено на материале ненецкого языка, формы и функции которого по существу не отличаются от соответствующих энецких. Не останавливаясь подробно на данной временной форме, отметим, что для энецкого языка она здесь названа первым прошедшим временем.

Анализ полевых материалов показал, что в энецком языке, помимо отмеченного, существует еще одно прошедшее время. В отличие от первого прошедшего оно обозначает совершившееся или совершавшееся в прошлом действие, законченное к моменту речи, результат которого ощущается и до настоящего момента. Во всяком случае, когда речь идет о законченном в прошлом действии, между глагольной основой и личными показателями последовательно появляется суффикс *-bi*.

Энецкий относится к наименее изученным самодийским языкам. Понятно, что на первом этапе исследования важно было описать основные черты его грамматического строя, ограничиваясь выяснением наиболее употребительных форм и их значений. Форма с суффиксом *-bi* в энецком языке довольно продуктивна, поэтому, естественно, она попала в поле зрения предыдущих исследователей. Н. М. Терещенко фиксирует ее и отмечает, что суффикс *-bi* служит для выраже-

* Доклад, прочитанный на V Всесоюзной конференции «Происхождение аборигенов Сибири и их языков» в апреле 1979 г. (Новосибирск), с дополнениями.

ния действия, очевидцем которого сам говорящий не был, и употребляется чаще всего при повествованиях (Терещенко 1966 : 452).

Анализ материала и более подробное исследование системы времен и наклонений энецкого глагола дали возможность прийти к выводу, что для говорящего, употребляющего эту форму, не так важно, был он очевидцем данного действия или не был, важнее констатировать конкретный результат этого действия, сохранившийся до настоящего момента; например: *tea kabi* 'Олень уже умер'; *bu kod' niš sumobiš'* 'Он с нарты упал'; *deiču salba kanibi* 'Лед Енисея ушел'. В вышеприведенных примерах говорящий мог оказаться, но мог и не быть очевидцем действия. Глагольная словоформа с *-bi* передает законченное в прошлом действие, результат которого сохранился до настоящего момента.

Сопоставление этого времени с первым прошедшим показывает отличительные особенности обеих форм. Для первого прошедшего не важен результат действия, оно может обозначать и предел действия, и его длительность, и законченное и незаконченное действие, и обычное действие или состояние в прошлом; например: *εsij kasa neda no' kod'ni adujdič* 'Отец с сыном сели на нарту и уехали охотиться' — предел действия; *kamod kehôn haleu čiinač* 'Над домом летали чайки' — множественность действия; *bu peri tunida nenida minedaš* 'Он всегда носил с собой ружье' — обычность действия; *čenôju oka oburu koltagođuč* 'Вчера я много вещей стирала' — несовершенность действия; *naunôju djoha neek barhun diribač* 'Раньше мы жили на другом берегу реки' — протекание действия в процессе. В отличие от рассмотренных выше форм, второе прошедшее время представляет собой чистый перфект, выражающий законченное действие, для которого важен результат, существующий в настоящее время.

Таким образом, по нашему мнению, имеются достаточные основания для выделения в энецком языке двух прошедших времен: первого прошедшего с показателем *-š* и второго прошедшего с показателем *-bi/-pi*. Перфект может употребляться и в разговорной речи, и в повествовании. В энецком языке в последнем случае, как правило, употребляется именно эта форма, что и отметила Н. М. Терещенко.

При анализе энецкого материала нами замечено, что в некоторых случаях для передачи значения законченного действия, очевидцем которого говорящий не был, используется и другая форма: к глагольной словоформе, содержащей перед личными показателями суффикс *-bi*, присоединяется после личных показателей суффикс *-š*. Тем самым форма, придающая глаголу значение неочевидности действия, состоит из двух компонентов, которые, только соединяясь в одной словоформе, выражают это понятие. Она имеет вид *-bi ... š* и передает уже не временное, а модальное значение. Мы склонны считать ее показателем неочевидного наклонения. Временную отнесенность этой формы можно уточнить только посредством наречий времени *četa* 'завтра', *čenôju* 'вчера', *eki derihôn* 'сегодня' и т. д. Не будем останавливаться на данной форме, приведем лишь несколько примеров: *bu tobiš* 'Он, оказывается, уже пришел'; *bu čenôju čukči oburu koltabiš* 'Она, оказывается, вчера все вещи постирала'. Нужно сказать, что форма на *-bi ... š* не так продуктивна в энецком языке, как форма на *-bi*. Видимо, в языке сравнительно недавно наметилась тенденция к разграничению этих форм. Если главным для формы с *-bi* является перфектное значение, то ее окказиональным значением было выражение неочевидности действия, случаи употребления которого еще сохранились в языке. Однако поскольку язык стремится к разграничению форм и значений, на синхронном срезе наблюдается указанное явление,

Морфологическое выделение двух прошедших времен типично для многих финно-угорских языков. В них первое прошедшее время обозначает действие, совершившееся или совершающееся до момента речи: при этом не важен результат действия. Оно не имеет видовой специализации, и, как уже говорилось, может обозначать и предел действия, и его длительность. В энецком языке первое прошедшее время функционально соответствует первому прошедшему финно-угорских языков.

Относительно значения второго прошедшего времени в финно-угорской литературе имеются разные мнения. Многие исследователи указывают, что оно употребляется в тех случаях, когда говорящий не был свидетелем совершившегося в прошлом действия, поэтому для данного времени введен термин: неочевидное время. Однако можно привести примеры из финно-угорских языков, когда факт неочевидности никакой роли не играет, и второе прошедшее время употребляется в значении перфекта, выражающего только законченное действие, результат которого существует в настоящем. На двухаспектность второго прошедшего времени обратил внимание Б. А. Серебrenников, отметив, что эта временная форма может употребляться в роли чистого перфекта или для выражения модального значения неочевидности. Абсолютизируя последнее значение, некоторые исследователи называют это время неочевидным, что, с точки зрения Б. А. Серебrenникова, неправомерно (1960 : 59). Использование перфекта при повествовании характерно также для многих финно-угорских языков: «Употребление перфекта в этих случаях целиком основано на импрессионном, чисто субъективном перемещении временного плана. Рассказчик ... может не ощущать и не наблюдать никаких результатов действия, тем не менее он употребляет формы перфекта. Объясняется это тем, что говорящий ... может субъективно соотносить результат действия с планом того отрезка времени, с которым этот результат совпал в прошлом, хотя в момент сообщения он фактически уже не имеет действия» (Серебrenников 1960 : 60). В связи с вышеизложенным особенно интересен тот факт, что оба аспекта (перфект и неочевидность) второго прошедшего времени, имеющие одну форму в финно-угорских языках, в энецком получили определенную тенденцию к различию средств выражения. Тем самым, если в финно-угорских языках произошло расщепление значения перфекта, то в энецком языке в большинстве случаев расщепление значения сопровождается и различием в оформлении. Этот факт, как уже отмечалось, можно объяснить тенденцией языка к выражению разных значений с помощью различных формантов. Как неоднократно указывал Б. А. Серебrenников, именно на базе перфектного значения данного времени могло возникнуть модальное значение неочевидности действия (Серебrenников 1960 : 63; 1964 : 113). Единый источник происхождения подтверждается и формальной стороной, поскольку суффикс *-bi* входит и в обе рассматриваемые формы.

Противоположной тенденцией к устранению избыточности средств выражения в языке объясняется тот факт, что в энецком, как и во всех самодийских языках, ощущается недостаток морфологических средств для выражения совершенности действия. Существующее в нем второе прошедшее время и имеет целью передать его.

По мнению К. Лабанаускаса, два прошедших времени имеются и в ненецком языке. Анализируя временные формы, он пришел к выводу о наличии временной формы с показателем *-βi/-mi*, которая обозначает прошедшее результативное или перфект (Лабанаускас 1974). Побочной функцией ненецкого перфекта также является неочевидность (нарративность) действия, но в отличие от энецкого, в ненецком языке не про-

изошло расщепление формы при расщеплении значения. В ненецком языке «нарративное значение не заслоняет перфектного, а лишь сопутствует ему, будучи органически заключенным в одной и той же форме» (Лабанаускас 1974 : 49).

В связи с вышеизложенным заслуживает внимания и «претерит на *-bi* в вопросительных формах нганасанского языка» (Кюннап 1976а : 178), так как материальное сходство всех этих суффиксов (нен. *-βi/-mi*, эн. *-bi*, нган. *-bi*) дает основание предполагать наличие связи северносам. *-bi* с общеупотребляемым показателем прошедшего времени на *-bi* камасинского языка (Кюннап 1976а : 178; 1976б : 235).

Таким образом приходим к выводу, что в энецком языке выделяется два прошедших времени: первое прошедшее (*-š*) и второе прошедшее с перфектным значением (*-bi*), на базе которого развилось модальное значение неочевидности действия (*-bi ... š*). Материальный состав аффиксов дает основание предположить, что все эти формы генетически между собой связаны, и видимо, когда-то существовало одно прошедшее время с широким диапазоном значений.

ЛИТЕРАТУРА

- Кюннап А. 1976а, К проблеме происхождения показателей наклонений и времен в уральских языках. — СФУ XII, 169—181.
 — 1976б, [Рец. на] И. П. Сорокина, Морфология глагола энецкого языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ленинград 1975. — СФУ XII, 233—236.
 Лабанаускас К. 1974, Ненецкий перфект. — СФУ X, 45—52.
 Прокофьев Г. Н. 1937, Энецкий (енисейско-самоедский) диалект. — Языки и письменность народов Севера I, Москва—Ленинград, 75—90.
 Серебренников Б. А. 1960, Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, Москва.
 — 1964, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, Москва.
 Терещенко Н. М. 1947, Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка, Ленинград.
 — 1966, Энецкий язык. — Языки народов СССР III. Финно-угорские и самоедские языки, Москва, 438—457.
 Castrén, M. A. 1854, Grammatik der samojedischen Sprachen, St. Petersburg.
 N.-Sebestyén, I. 1970, Zur juraksamojedischen Konjugation. — FUF XXXVIII, 137—225.

I. P. SOROKINA (Leningard)

THE PERFECT IN ENETS

In the Enets language the past tense is usually postulated with the meaning of action not related to the moment of speech but having taken place in the remote past. The analysis shows that in Enets there is also a second past tense, marked by the suffix *-bi* which is placed between basic and personal markers. It is actually the perfect tense, for it is used to express an action which has been finished and which the result is relevant to. Having based on the perfect tense, a modal meaning of unwitnessed action designated by the marker *-bi ... š* developed in Enets. Thus, for expressing two meanings, that of the perfect and unwitnessed action, two different morphemes developed in Enets, while in other Finno-Ugric languages only one form, namely the perfect is used to express both meanings.